

как семья или здание, имеющее окна, двери, крышу, т.е. дом снаружи, то девушки «находятся» внутри дома, их заботят более мелкие детали внутреннего убранства: окно (fenetre) – занавеска (rideau) – 28/0(!); стол (table) – скатерть (nappe) – 4/1, ковер (tapis) – 2/0; порядок (ordre) – комната (chambre) – 8/0; полный тепла – дом (maison) – труба (cheminee) – 10/1, дым (fume) – 4/0, окно (fenetre) – 8/1, причем изнутри.

Испытуемые юноши, которые считают необходимым работать для семьи, лишь однажды в качестве реакции на стимул женщина (femme) упомянули слово супруга (epouse) – 4/1. О свадьбе не задумался ни один из них.

У испытуемых девушек пятая по частотности реакция на слово рука (main) – обручальное кольцо (bague) – 9/0. На слово мужчина/человек (homme) получены две реакции муж (mari), что вполне естественно. Белый (blanc) цвет у девушек вызывает ассоциации фата (voile) – 3/0, платье (robe) – 3/0, замужем (marie) – 3/0.

Важно отметить, что получение женщинами Франции в 1949 году права голоса отразилось на ассоциативном поведении испытуемых девушек в 1955 г. Первая по частотности реакция, данная девушками на стимул гражданин (citoyen) – голос (vote) – 16/4, вторая – революция (revolution) – 15/4, больше девушек, чем юношей, ответили реакцией выборы (election) – 5/3.

Приведенные примеры позволяют предложить следующий образ «достойной французской девушки» середины 50-х годов XX столетия: несмотря на имеющийся доступ к образованию, растущий интерес к участию в политической жизни, свою жизнь девушки видят в браке, в доме, на кухне, в уходе за детьми.

Различия социального положения женщин в странах Запада, в СССР и на постсоветском пространстве отчетливо проявились в реакции на стимул врач/доктор/doctor. В русском и белорусском языках как в 70-е годы. так и сегодня единичным реакциям мужчины/мужчина противопоставлены женские имена (рус.) и слово докторша (бел.) с частотностью 2, в отличие от американских данных, где в 23 случаях получена реакция «мужчина» man.

Пилотажный эксперимент, проведенный автором в октябре 1999 г. с 60 испытуемыми (30 юношей и 30 девушек), показал, что различия, присутствующие во французских данных, не наблюдаются среди русскоговорящих испытуемых 17–18 лет из современной Беларуси. Фактически вывод, сделанный в 50-е годы М.Розенцвейгом о несущественности половых (гендерных) различий в ассоциировании, более справедлив для данной группы испытуемых. Имеющиеся данные показывают, что для представителей разных культур свойственны свои парадигмы ассоциирования, отражающие характеристики общества, присущие ему на том или ином историческом этапе ценности. Помимо этого, сопоставление русскоязычных данных 70-х и 90-х годов позволяет сделать предположение о наличии парадигм, типичных для каждой культуры. Тем не менее для окончательных выводов потребуются анализ нескольких параллельных срезов данных по разным языкам и культурам, полученных приблизительно в одно и то же время.

Литература

1. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 135–171.
2. Jenkins, J.J., & Russel, W.A. Associative clustering during recall // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1952. 47, 818–821.
3. Rozenzweig, M.R. International Kent-Rosanoff word association norms, emphasizing those of French male and female students and French workmen // Norms of Word Association. 1972. 95–176.
4. Schellenberg, P.E. A group free association test for college students: Unpublished doctoral dissertation / University of Minnesota 1930.
5. Tressel, M.E. et al. The Kent-Rosanoff word association. A comparison of sex differences in response frequencies // Journal of Genetic Psychology. 1955. 87, 149–153.

Белорусские женщины между «ОБЩЕСТВЕННЫМ» И «ЧАСТНЫМ» В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Ирина Чикалова,

кандидат исторических наук,
доцент, докторант кафедры
всеобщей истории БГПУ им.
М. Танка; руководитель Минского
центра гендерных исследований

После Октябрьских событий 1917 г., приведших к развязыванию гражданской войны, установлению германской оккупации, а затем – к войне с Польшей, потерявшая 1,5 млн. человек Беларусь оказалась расколотой: ее западная часть в 1921 г. по Рижскому договору была присоединена к Польше, а восточная – в 1922 г. вошла на правах союзной республики в состав СССР. Приход большевиков к власти положил конец всем независимым гражданским, в том числе женским, инициативам, возникшим в 1918 г. на территории Белорусской Народной Республики. Здесь видная эсерка Палута Бодунова создала благотворительное товарищество помощи беженцам. Во время польской оккупации был создан Национальный союз (Хаврус) белорусок во главе с поэтессой Верой Масловской. После восстановления советской власти государство взяло инициативу в определении целей и задач женского движения.

В основе рассуждений марксистов по поводу дискриминации женщин было убеждение, что социальная революция решит их проблемы и что женская эмансипация возможна только при социализме. Поскольку официальная марксистская идеология не признавала наличия у женщин специфических интересов, отличных от общеклассовых, через всю историю советского общества проходил отрицание самостоятельного статуса женских проблем. Это привело к тому, что мужская часть общества присвоила себе право представлять интересы женщин подчинила женское движение решению глобальных социальных задач в мужском понимании – будь то совершение революции, осуществление индустриализации и коллективизации, наращивание оборонной мощи страны, ведение борьбы с врагами народа, организация «великих строек коммунизма» и т.д. Ныне представляется очевидным, что практика решения женского вопроса в Беларуси, как и в целом в СССР, являлась одной из самых искусных исторических мистификаций. Само же советское общество, в котором интересы женщин оказались подчиненными классовым задачам, стало выразительным примером маскулинной культуры.

Первые документы советской власти, официально провозгласившие равные права женщин с мужчинами, включая равное избирательное (введено после Февральской буржуазно-демократической революции в 1917 г.) и равные социально-экономические права (8-часовой рабочий день независимо от пола, равная оплата труда), выглядели действительно многообещающе. В одном ряду с ними был опубликованный в 1918 г. первый Кодекс о браке и семье, предусматривавший светский характер брака; равный с мужчинами статус женщин в браке; возможность для женатых пар выбирать фамилию мужа или жены; наделение детей, рожденных вне брака, одинаковыми правами с рожденными в браке. Городские женщины освобождались от работы на 8 не-

дель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка Декретом 1917 г. о «Страховании на случай болезни». Стоит заметить, что более 85% населения Беларуси в это время проживало в сельской местности, не имея возможности воспользоваться предоставленными льготами.

В Беларуси, являвшейся частью СССР, постановка и содержание «женских вопросов» в годы советской власти определялось исходя из задач данного момента социалистического строительства: возможность наличия специфических интересов самих женщин даже не обсуждалась. Женское движение находилось под жестким партийным контролем, который существовал и в открытой, и в завуалированной формах. Например, сеть женотделов, создаваемая с 1918 г., функционировала с одобрения партии и под ее наблюдением. Но и их функции Сталин в 1929 г. провозгласил выполненными и упразднил за ненадобностью.

Годы сталинских репрессий стали драматичными для судеб белорусской интеллигенции, главным обвинением против которой становилась принадлежность к национал-демократизму. В истории белорусского национально-освободительного движения начала XX в. трудно найти более яркую женскую личность, чем прошедшую тюрьмы польской дефензивы и камеры Бутырской тюрьмы Палуту Бодунову. Она — единственная женщина, чье имя с 1917 г. фигурирует в списках почти всех национально-политических организаций. Входила она и в состав правительства Белорусской Народной Республики. Из-за тяжелой болезни уже в середине 1920-х годов Бодунова отошла от политической деятельности, была сломлена физически, не смогла работать и жила на содержании сестры. Несмотря на это, в 1937 г. она была арестована, и из застенков НКВД уже не вышла.

Позтесса Лариса Генюш, прошедшая специальные женские лагеря ГУЛАГа, оставила книгу воспоминаний «Исповедь» — подробный документ времени: «Інта — гэта т. зв. гарадзкі пасёлак у Комі АССР. Гэта — цэнтр быўшых лагэроў «Мінлага», яго управленне. Калі я туды прыбыла, дык гэта былі драўляныя будынкі і вельмі убогая будка, якія быўшыя нявольнікі, ня маючы права вяртацца дамоў, пастроілі сабе, каб жыць... Шматлікае начальства зусім спакойна глядзела на калоны няшчасных жанчын, якія гадамі закрывалі ў інцінскую мерзлату сваю маладосць, здароўе і само жыццё. Інцінскія дамы праходзілі міма з агідаю, а іхнія вывадкі хрысцілі нас рознымі «комтра» ці «фашыстамі». А мы кіркавалі, білі кувалдамі ў нейкую сіваю мерзлую гліну. Здавалася нам, што ад тых цяжэрных кувалдаў, калі дзвюгаеш, вярочаюцца кішкі у жываце і абраваюцца усе селязёнкі. Як шэрыя оставленныя камякі у ватніх нагавіцах, старых валёнках і бушлатах, мы, замарыушыся, сядалі на сьнег, даставалі зьмёрзлы кусок пайкі, калі хто яе здолеў ня зьесці выходзячы, і грызлі. Святкам было, калі мы бралі у кішэнь крыху цукру і, пасыпаўшы ім камяк сьнегу, проста аблізваліся з насалоды» [1, с.197—198].

На одного оставшегося на воле деятеля литературы четверо были в тюрьмах и лагерях. Там же оказались и многие жены деятелей науки и культуры, арестованные вслед за мужьями на «правах» жен «врагов народа». Лагерный срок давал хоть небольшие шансы выжить. Вернулась в 1956 г. из лагеря Дина Харик, жена расстрелянного поэта Изи Харика, но так и не смогла ничего узнать о судьбе двух своих оставленных в Минске детей. Далеко не каждая женщина выдерживала изнурительные работы и невыносимые условия жизни в лагере. Погибла в лагере строгого режима жена главного режиссера еврейского театра Мойше Рафальского. О количестве женщин, репрессированных в годы террора, свидетельствуют данные о реабилитированных в 1955—1996 гг. жителях Минска и Минской области, где примерно 11% составляли женщины.

Новым этапом в государственной политике, с которым была связана трансформация статуса женщин и самого женского движения, стали 1930-е годы. Женщины были провозглашены мощной силой в промышленности, сельском хозяйстве и опорой семьи. Дебаты по «женскому вопросу», которые активно велись в 1920-е годы благодаря деятельности женотделов, были запрещены. Более того, сталинское правительство пересмотрело прежнюю политику, касающуюся женщин и семейной жизни. Так, в середине 1930-х годов были запрещены разрешенные еще в 1920 г. аборты, получить развод стало намного трудней и доро-

же. Семья получила официальное наименование социалистической. Эмансипация женщин провозглашалась достигнутой, а женский вопрос — решенным.

Реальность, тем не менее, была иной. Равенство женщин с мужчинами сводилось к их массовому вовлечению в производство. При этом показатель численности женщин в составе рабочих и служащих в Беларуси (40%) в 1940 г. был даже выше, чем в среднем по СССР. Целью правительства было максимально увеличить численность рабочего класса, который рассматривался как главная его опора. Однако сотни тысяч мужчин находились в кадровой армии, милиции, в огромном аппарате комитета госбезопасности, были репрессированы. Новые же стройки требовали дешевой руки. Так пришла очередь женщин: десятки тысяч девушек приехали на промышленные стройки из деревень. На их плечи ложились самые тяжелые работы. Женщина освоила специальность строителя, токаря, фрезеровщика, машиниста локомотива. Она пришла в опасное для здоровья литейное производство, полиграфическую промышленность. Официальная пропаганда преподносила это как «стремление женщин быть полезными социалистической Родине». Многие женщины сами этому искренне верили, и в середине 1930-х годов около трети всех работниц Беларуси принимали участие в стахановском движении, ставшем формой социалистического соревнования на производстве.

Имена героинь труда гремели на всю страну: им и их современникам невозможно было разобраться, что соцсоревнование преследовало цель интенсифицировать труд, сделать рекорд нормой, по сути — усилить эксплуатацию более дешевого труда женщин. Несмотря на то, что советская власть декларировала равную оплату мужского и женского труда, даже официальная довоенная статистика свидетельствует, что у женщин она была ниже. В 1926 г. месячная зарплата рабочих мужчин составляла 59 руб. 92 коп., а женщин — только 28 руб. 93 коп. Более того, с конца 20-х годов этот разрыв даже усилился. В истории зафиксированы попытки белорусских женщин протестовать против тяжелых условий жизни и быта: в 1930 г. забастовала часть работниц минской швейной фабрики «Октябрь». Однако вскоре выступления женщин в защиту своих прав прекратились — началась эпоха репрессий. Сегодня немногие из тех, кому в далекие 1930-е годы было 20 лет, остались в живых. Не у кого уже спросить, были ли они счастливы.

Сельская женщина — особая тема. Работая в колхозе практически бесплатно, лишённая элементарных гражданских прав (только в 1960-е годы колхозники стали выдавать паспорта), она стала крепостной у государства, авторитет которого для нее олицетворял мужчина — председатель колхоза. От того «хороший» или «плохой» председатель зависело решение множества личных проблем. С ними унижено женщина шла к нему. Только 2% председателей, 1,2% заведующих ферм, 5,5% бригадиров в колхозах были женщины, причем эта пропорция сохранилась практически до сегодняшних дней. Для сельской женщины власть всегда имела мужской облик, а работа в поле, на ферме — женский. У мужчин-рабочих в колхозах тоже была своя сфера — механизаторская. Но откликаясь на знаменитый призыв «Женщины — на трактор», женщины овладели и этой тяжелой профессией. Труд в колхозе не был нормированным. Большинство колхозниц не имели отпусков, не получали пособий во время болезни. В большинстве хозяйств выходили на тяжелые работы даже беременные и больные женщины с высокой температурой. Напряженная работа фактически не оплачивалась. Основным источником доходов семей колхозников были приусадебные участки, которые тоже держались на женских руках.

Жертвами сталинских репрессий в период с 1929 по 1953 г. в Беларуси стало более 600 тысяч человек [2]. Почти 68% репрессированных были из крестьян. Отправлялись на расстрел многие главы крестьянских хозяйств, а те, кому «повезло», шли по этапу в отдаленные районы страны, покидали разоренные хозяйства. В раскулаченных хозяйствах (а раскулачивание означало полную конфискацию имущества) оставались жены, матери и дети — им теперь предстояло кормить страну. Однако у многих уже не хватало сил прокормить самих себя: налоговая система «выметала» все произведенное в колхозах, совхозах и даже на приусадебных участках.

Вспоминает Янина Юльяновна Гардионюк: «Працаваў наш бацька у калгасе пастухом, потым коняхом. У сям’і было тры дзяці... Забіралі яго акурат у навагоднюю ноч... Жыццё пасля таго, як забралі бацьку, стала вельмі цяжкае, увесь час былі гладныя і халодныя. Кожны дзень працавалі ў калгасе ад цямна да цямна нават мы, дзеці. Калі маці аднойчы папрасіла брыгадзіра адпусціць яе хоць на паўдня, каб сабраць дзіцячым ягад, грыбоў, той адразу закрычаў: «Пойдзеш, дык будзеш там, дзе муж!» А каму было паскардзіцца? Будаваў сабе хатку, дык нават каня не даў. Маці ў аглоблі ўпраглася, а мы падліхалі. Гэтак гадоў пятнаццаць з нас здэкаваліся, як выжылі — не ведаю. Дзе бацьку забілі, таксама не ведаю».

На протяжении 1930-х годов сельское население республики постоянно находилось перед угрозой голода. В 1933 г. в южных районах Беларуси в половине колхозов и у самих колхозников полностью отсутствовали продукты питания. В Наровлянском и Ельском районах 130 человек умерли голодной смертью. Среди них — дети, женщины, старики.

Новые испытания были связаны с событиями Второй мировой войны: оккупация Польши, куда входила территория Западной Беларуси; вхождение Западной Беларуси в БССР в сентябре 1939 г., Отечественная война 1941—1945 гг. С первых ее дней 2 млн. человек, среди которых главным образом были женщины и старики, приняли участие в строительстве оборонительных сооружений на берегах Днепра, Западной Двины, Сожа, Припяти, около Могилева, Витебска, Орши, Быхова, Гомеля и многих других. Из Беларуси на восток страны вынуждены были эвакуироваться 1,5 млн. человек, преимущественно женщины и дети. Десятки тысяч белорусских женщин, оказавшись в эвакуации, голодные, плохо одетые, в почти не отапливаемых помещениях, стояли у заводских станков, работали в цехах, за рулем тракторов и комбайнов. Они обеспечили воюющую армию всем необходимым. Тем не менее, именно эти женщины будут уступать места в очередях участникам военной кампании, получившим награды и льготы от государства после окончания войны.

Последствия войны больно отозвались на укладе жизни женщин. Гибель мужей нарушила семейные связи. Многие остались вдовами. В связи с нарушением пропорции мужского и женского населения трудно было заново наладить семейную жизнь, повторно выйти замуж. Судьба им приготовила тяжелую участь: одним воспитывать оставшихся без отцов детей, в тяжелых условиях послевоенной разрухи ставить их на ноги. И в то же время женщины активно включились в восстановление народного хозяйства: в 1950 г. они составили 45% рабочих и служащих Беларуси. Все последующие годы происходил постоянный рост их численности в составе занятых в народном хозяйстве, достигнув к 1985 г. 53%.

Советская женщина воспитывалась в атмосфере двойных стандартов и двойной морали. С детства ей говорили о ее равноправии с мужчинами. Девочки, действительно, имели равный с мальчиками доступ к среднему образованию и обычно даже проходили больше усердия. Например, в 1985 г. в высших учебных заведениях республики в общем числе студентов было 58% девушек, а в составе учащихся средних специальных учебных заведений — 62% [3, с.23]. В целом темпы роста образовательного уровня женщин были значительно выше, чем у мужчин. Из 1000 женщин, занятых в народном хозяйстве Беларуси, в 1985 г. 779 имели высшее и среднее образование по сравнению с 142 — в 1939 г.; у мужчин эти цифры равны соответственно 748 и 78 [4]. Официальной пропагандой это ставилось в заслугу социализму. Однако девушкам было трудно и попросту невозможно поступить учиться в вузы по отдельным престижным специальностям. Дискриминация продолжалась на этапе распределения по рабочим местам после окончания вузов: преимущество традиционно имели мужчины.

Как правило, женщинам доставались работы, которые не привлекали мужчин (отсутствие перспектив роста по службе, малооплачиваемые). Сегрегация женщин в общественном производстве проявлялась путем оформления менее престижных сфер «женских специальностей», или «женских работ», как внутри «мужских профессий», так и вне связи с ними. Разрыв в оплате между женским и мужским трудом существовал за счет «разведения» мужчин и женщин по этим сферам. Высокий уровень феминизации профессии был четким индикатором ее низкого социального престижа. Ежегодно возрастало число женщин, занятых умственным трудом. Наиболее высокая численность женщин наблюдалась в профессиях, которые требовали, прежде всего, исполнительских навыков, а не постоянного творческого роста: секретари, делопроизводители, машинистки, кассиры, учетчики, счетоводы. По данным переписи 1989 г., по этим специальностям в Беларуси работала каждая тринадцатая женщина, занятая преимущественно умственным трудом [5, с.25]. Более престижными в этой сфере были профессии библиотекаря, культпросветработника, школьного учителя, врача, экономиста, бухгалтера.

Вопрос об условиях труда женщин постепенно приобретал все большую актуальность: к 1985 г. в Беларуси уже 94% их трудились вне дома полный рабочий день [3, с.56]. Практически все страны мира ратифицировали Конвенцию №4 Международной организации труда (МОТ), запретившую привлекать женщин, независимо от возраста, к работе в ночное время на государственных и частных промышленных предприятиях. Однако, несмотря на участие Беларуси в МОТ с 1954 г., ее правительство, как и правительство СССР, отказалось ратифицировать и эту, и другую, не менее важную конвенцию МОТ 1981 г. «Безопасность труда, гигиена и производственная среда», сославшись на то, что в советской стране охраной труда занимаются профсоюзы, а не государство. И хотя Совет Министров и ВЦСПС периодически принимали постановления, которыми предусматривалось недопущение женщин на вредные производства, повышение механизации их труда, утверждались списки профессий и работ, на которых запрещалось использование их труда, руководителями министерств и самих предприятий они практически не выполнялись.

В 1980 г. в легкой промышленности среди ткачей женщины составляли 99%, швейников — 95%, ковровщиц — 96% [6, с.46]. На минских тракторном, автомобильном, моторном заводах, Гродненском заводе автоагрегатов, Брестском заводе «Сельмаш», Светлогорском заводе «Корммаш» и др. женщины работали в тоннелях литейных цехов, на подвеске горячего литья. В середине 1980-х годов на предприятиях министерств стройматериалов, местной, лесобумажной промышленности, а также в сельском хозяйстве более 200 тысяч женщин трудились в неблагоприятных условиях [7, с.71].

В народном хозяйстве окончательно закрепилось место женщины на самых тяжелых и малоквалифицированных ручных работах: она укладывала асфальт, ремонтировала железнодорожные пути, работала на стройках, выполняла погрузочно-разгрузочные работы. К кругу женских работ, одновременно и малооплачиваемых, и самых непрестижных, относились уборка территорий и помещений. Около 90% дворников, уборщиков в стране были женщины, обычно немолодого возраста.

С одной стороны, женщины объявлялись «слабым полом», а с другой — на них возлагалось намного больше обязанностей, нежели на мужчин. В идеале от женщины требовалось быть ответственной работницей, нести все обязанности по дому, отвечать за воспитание детей и при этом оставаться привлекательной. В абсолютном большинстве белорусских семей мужчины были практически освобождены от несения обязанностей по поддержанию дома. Так, по результатам обследования бюджета времени семей рабочих, служащих и колхозников в 1985 г. женщины в рабочие дни тратили в три раза больше времени, чем мужчины на домашнюю работу [5, с.32]. Более 40% этого времени у женщин занимали обязанности по снабжению семей продуктами питания и их приготовлению из-за постоянных дефицитов, очередей в магазинах, нехватки в торговле полуфабрикатов и слабой обеспеченности семей бытовой техникой. Соответственно свободного времени у женщин было в два раза меньше: если мужчины в семьях рабочих располагали 175, в семьях колхозников — 152 минутами в рабочий день, то женщины — соответственно 90 и 60 минутами [5, с.32]. Женщины несли двойное бремя нагрузок. Как социальная группа они были депривированы, фактически изолированы и от политики, и от принятия решений.

Советский эксперимент эмансипации женщин оставил у многих из них чувство разочарования и раздражения. Действительно, эмансипация, понимаемая как освобождение женщин из-под власти мужчин, отводивших им подчиненное место в социальной и

семейной иерархии, не могла состояться и не состоялась. Реальностью стало появление стойкого неприятия большинством белорусских женщин самих слов «эмансипация» и «феминизм». Они стали ассоциироваться в их сознании не с освобождением, а с жестокой эксплуатацией дешевого женского труда на производстве и в семье на фоне полного исключения из значимых общественных сфер и процесса принятия решений. Значительное число женщин, получив выбор, «возвращается» в дом, мечтает и при возможности отдает предпочтение «карьеру» домохозяйки при муже-кормильце.

В постсоветском обществе феминизм остается «нереабилитированным», а антифеминизм наступателен и агрессивен. Обрывочные сведения, которыми белорусское общество располагает о феминизме, почерпнуты из стереотипов, кочующих по газетным рубрикам скандальной хроники. Для огромного большинст-

ва белорусских женщин продолжает оставаться неведомым, что феминистская теория может стать питательной почвой для формирования альтернативной культурной формации, в которой женщины из объекта политики «второго класса», депривированной группы превратились бы в движущую силу общественных и персональных изменений.

Литература

1. Генюш Ларыса. Споведзь. Мн., 1993. 2. Кузнецов И. Такое невинное слово «репрессия» // Народная воля. 1997. 7 февр. 3. Народное хозяйство Республики Беларусь. 1995. Стат. ежегодник. Мн., 1996. 4. Штрихи к портрету белоруски. Мн., 1985. 5. Дзеці і жанчыны Беларусі: сёння і заўтра: Нац. даклад аб становішчы дзяцей і жанчын у Беларусі. Мн.: UNICEF, 1995. 6. Коммунист Беларусі. 1980. № 2. 7. Республіканскае сабрание партыйна-хазяйсцвеннага актыва па абсуджэнню праекта пастановаў ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР па перастройцы здравоахоўвання // Здравоахоўванне Беларусі. 1987. № 11.

Беларусь 1920-х: диалог власти с «пробудившейся» крестьянкой

Илья Курков,
главный археограф-отдела
публикации Национального архива
Республики Беларусь

Важным источником для создания гендерной истории Беларуси являются материалы, хранящиеся в архивах. Только обратившись к подлинным документам интересующей нас эпохи можно судить о гендерном устройстве общества в то время.

Изучение положения белорусских женщин в первые годы советской власти интересно не только с точки зрения исторической науки. Многие гендерные проблемы современной Беларуси уходят своими корнями в 1920-е годы, когда формально провозглашенное равенство полов на деле обернулось прибавлением к прежним

обязанностям женщин новых, связанных с интенсивным участием в сфере промышленного производства, обслуживанием институтов государственной идеологии, военной службой.

В целях массового вовлечения женщин в процесс социалистического переустройства общества при Центральном Комитете белорусской компартии был создан женотдел, который координировал деятельность сети местных женотделов, занимался созывом и руководил работой съездов крестьянок. Беларусь была в то время страной преимущественно аграрной, и такие съезды стали эффективным средством для проведения в деревне политики властей.

Показателен в этом отношении 2-й Всебелорусский съезд крестьянок, проходивший в Минске 7–10 марта 1926 года. Тогда, в разгар НЭПа, многие были уверены в искренности заявлений партийных лидеров о поддержке в деревне крепких хозяев. Действительно, налоговое законодательство в этот период было достаточно либеральным, способствовало развитию на селе производительных сил. В Беларуси проходила кампания по землеустройству. Значительная часть безземельных и малоземельных крестьян видела в советской власти гарант своего будущего благосостояния. Они доверяли власти, поэтому не боялись ее критиковать. На съезде, в присутствии первых лиц БССР, крестьянки одновременно говорили обо всем, что «наболело».

В 1920-е годы в ходу были лозунги о «пробуждении женщины к новой жизни», об «освобождении от векового рабства», причем имелось в виду не только классовое угнетение. Председатель Совета профсоюзов Беларуси Ендаков на съезде сказал так: «... В царской России рабочему, крестьянину жилось тяжело. Особенно тяжело было работнице и крестьянке. Мало того, что

они были рабами капитала, они еще были рабами своей семьи, быта, рабами мужа» [1].

Съезд, таким образом, призван был способствовать «освобождению крестьянки». Об этом неоднократно говорили здесь первые лица государства. В президиуме находились: секретари ЦК КП(б)Б Криницкий и Голодед, Председатель ЦИК БССР Червяков, Председатель Совнаркома БССР Адамович, нарком земледелия Прищепов, нарком здравоохранения Барсуков, представитель от армии – командир корпуса Тимошенко.

Мероприятие было организовано технически безупречно. 7 марта 1926 года открылись сразу два съезда: 2-й Всебелорусский съезд крестьянок и 1-й съезд крестьянок-евреек. Совместное торжественное заседание проходило в бывшем здании Дворянского Соборания, питались делегатки в лучшей столовой города – бывшем ресторане гостиницы «Европа».

Первой, со вступительным словом, выступила заведующая женотделом ЦК КП(б)Б Муратова. Она выразила надежду на то, что параллельная работа двух съездов сблизит белорусскую крестьянку с еврейской женщиной, которая стала крестьянкой совсем недавно. Тогда в республике только начинала развиваться сеть еврейских земледельческих хозяйств, и руководство БССР всеми мерами старалось противопоставить классовое единство национальной розни. В дальнейшем мы будем рассматривать материалы Всебелорусского съезда, поскольку в них наиболее полно отражены проблемы, волновавшие в то время женщин села.

Из вступительной речи видно, например, что значительным препятствием для выдвижения кандидатур крестьянок на выборах в сельсоветы являлась их неграмотность. При этом было сказано, что в 1926 году пункты по ликвидации неграмотности в деревне посещает больше женщин, чем мужчин [2]. Но в целом ситуация с просвещением на селе была крайне тяжелой. О причинах этого можно судить по выступлениям делегаток.

Данильченко (Мозырский округ): «...Я никогда не была в городе..., не буду говорить, что плоха советская власть, но на местах еще совсем не хорошо. В городах есть много правды, а в деревне еще мало» [3].

Сикорская (Слуцкий округ): «...В наш сельсовет мало приезают женорганизаторы. Есть такие места, где даже не знают, что такое советская власть» [4].

Воскобович (Пуховичский район): «...Мы, крестьянки Блонского сельсовета, до прошлого года не знали, что женщина равна мужчине и имеет такие же права, как мужчина» [5].

Что можно сказать о практических изменениях в судьбе крестьянок, если некоторые из них лишь в 1925 году «в теории» узнали о своих правах? Но все же жизнь не стояла на месте, люди стремились к знаниям и говорили об этом на своем съезде.

Досина (Минский округ): «...Чувствуется недостаток руководителей – не хватает работников в деревне. Женщина – крестьянка, работница, хочет учиться. Да, каждая женщина говорит: по-